

Диалектика языка в философии «ильенковской школы»

Евгений М. Дмитриевский
независимый исследователь
Одинцово, Россия, *evg.dm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено понимание языка в концепции Э.В. Ильенкова и ряда его последователей. Признавая важность языка, особенно в формировании и проявлении человеческого сознания, Э.В. Ильенков не отождествлял язык с мышлением. Для него это разные области человеческого бытия, которые связывает общественная практика. Язык историчен. Согласно С.Н. Марееву, общественный труд и связанная с ним необходимость коммуникации создают первые «символы», в качестве которых выступают орудия труда по принципу самореференции. Орудие труда есть первое реальное всеобщее. Деятельность с орудием абстрагировалась в жест. Со временем язык жестов трансформируется в словесный язык. В развитии слепоглухих детей присутствует та же закономерность: деятельность с предметом – жест, частично имитирующий деятельность – дактильное слово – словесный язык. Развитый язык предстает как относительно автономная область человеческого общественного бытия. Согласно Л.К. Науменко, язык нельзя непосредственно редуцировать к внеязыковому «субстрату», вроде человеческой физиологии, психики, социальных отношений и т. п. Но язык также не является полностью автономной областью. «Субстанцией» языка, требующей для себя на определенном уровне развития «звуковую материю», является общественная практика.

Ключевые слова: язык, мышление, общественная практика, орудие труда, жест, структура языка

Для цитирования: Дмитриевский Е.М. Диалектика языка в философии «ильенковской школы» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 81–91. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-81-91

Dialectics of language in the philosophy of the “Ilyenkov school”

Evgeniy M. Dmitrievskiy
independent researcher
Odintsovo, Russia, *evg.dm@mail.ru*

Abstract. The article considers the understanding of language in the concept of E.V. Ilyenkov and a number of his followers. Recognizing the importance of language, especially in the formation and manifestation of human consciousness, E.V. Ilyenkov did not identify language with thinking. For him, those are different areas of human existence connected by social practice. The language is historical. According to S.N. Mareev, social work and the associated need for communication create the first “symbols” which serve as tools of labor, based on the principle of self-reference. The tool of labor is the first real universal. Activity with a tool is abstracted into a gesture. Over time, the language of gestures is transformed into a verbal language. The same pattern is present in the development of deafblind children: activity with an object – gesture, partially imitating activity – dactylic word – verbal language. Developed language appears as a relatively autonomous area of human social being. According to L.K. Naumenko, language cannot be directly reduced to a non-linguistic “substratum” like human physiology, psyche, social relations, etc. Also language is neither a completely autonomous area. The “substance” of language, which requires “sound matter” for itself at a certain level of development, is social practice.

Keywords: language, thinking, social practices, tools of labor, gesture, structure of language

For citation: Dmitrievskiy, E.M. (2025), “Dialectics of language in the philosophy of the ‘Ilyenkov school’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 81–91, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-81-91

В 2024 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося русского (советского) философа – Э.В. Ильенкова. Главной темой его философских (а также психологических и педагогических) исследований было мышление, трактуемое в категориях материалистической диалектики. Некоторые влиятельные направления современной философии (аналитическая философия и т. п.) связывают мышление непосредственно с языковой деятельностью. Бурно развивающаяся сфера исследования и разработки искусственного интеллекта, все глубже внедряющегося в нашу повседневную

жизнь, заставляет по-новому взглянуть на отношение мышления (машинного) и языка программирования. Проблеме взаимосвязи мышления, языка и общественной практики в понимании не только Ильенкова, но и ряда его последователей («ильенковской школы»), и посвящена данная статья.

Язык, мышление и действительность

В концепции Ильенкова языку принадлежит хоть и не центральное, но, тем не менее, важное место. Он полагал, что язык дает возможность человеку осознать и выразить собственные чувства и мысли, делая их общественным достоянием, а тем самым и элементами общественного сознания, служащего своеобразным резервуаром идеальных форм для сознания индивидуального:

Слово, речь, язык, высказывание – это действительно первая общественная форма, в которую отливается индивидуальное восприятие, первая общественная форма духовного усвоения мира человеком¹.

Это тем более важно, что сам человек осознает в полной мере только то, что он смог сформулировать в языке. Язык предстает как форма осознанности действительности. Поэтому язык и выступает в качестве предпосылки логического мышления, формы теоретического постижения объективного и субъективного мира. Идеи, понятия и категории, теории и доказательства невозможны без языка.

Но, тем не менее, Ильенков настаивал:

Не в языке и не с языком совершается труд мышления; предметом мышления всегда была и навсегда остается объективная реальность и процесс ее изменения человеком, его трудом, вовлекающим в циклы своего развития все новые и новые сферы естественноприродного материала, любого материала².

Язык по своей сути есть лишь одна из форм, хоть и высшая, проявления мысли, поскольку человеческие идеи могут транслироваться и с помощью формул, схем, чертежей, моделей, не говоря

¹ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 43.

² Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 100–101.

уже о самих артефактах. Кроме того, язык может и затенять истину, вольно или невольно спутывать мышление. Особенно если он кладется в основу такого толкования действительности, где этимология слова подменяет собой историю возникновения и развития обозначаемого им предмета.

При этом Ильенков полагал, что язык имеет относительно автономную область бытия, не сводимую к мышлению. Поэтому логику, изучающую мышление, не следует отождествлять с лингвистикой, исследующей язык. В частности, на этом построена критика Ильенковым формальной логики, по сути превращающей мышление в синтаксис, движение внутри системы абстрактных знаков (символов). Для Ильенкова

...мышление и язык (речь) – это лишь две одинаково односторонние абстракции, а выражаемая в них «конкретность» есть нечто третье, само по себе ни мышлением, ни языком не являющееся³.

Этим третьим является общественная практика, направленная на преобразование предметов природы (включая сюда и общество).

Историчность языка

Несмотря на то, что мышление и язык непосредственно друг к другу не сводятся и имеют относительно самостоятельные области бытия, хоть и тесно связанные друг с другом, тем не менее для Ильенкова мышление и в человеческом обществе на заре его существования, и у растущего ребенка появляется раньше языка. Можно сказать, что не язык создает мышление, но мышление требует для себя язык как форму выражения на определенной стадии развития.

Язык имеет свою историю, непосредственно связанную, по мнению Ильенкова и его последователей, с человеческим трудом. Деятельность человека практически всегда связана с орудиями труда, выступающими в виде первых культурных артефактов. Орудие труда также можно назвать одним из первых и самых важных для человека опредмеченных форм всеобщего, поскольку орудие одного типа может использоваться для воздействия на различные предметы, разумеется, в рамках некоторого подобия свойств. Как

³ Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 270.

отмечал С.Н. Мареев: «обобщение словом является исторически производным от обобщения орудием» [Мареев 2011, с. 394]. Орудие обладает всеобщностью не по своей структуре, но по функции. За орудием труда закрепляется определенная форма деятельности, которую и может на первых порах обозначать само орудие. Орудие указывает собой на способ своего использования, является знаком определенного вида практики. Вещь становится самореферентной:

Прежде чем слово выступает в качестве знака вещи, вещь в деятельности становится знаком, сигналом деятельности, а тем самым и знаком самой себя. Она как бы раздваивается на самое себя и свой собственный знак подобно тому, как в деятельности она раздваивается на самое себя и ту функцию, которую она выполняет в деятельности [Мареев 2011, с. 395].

Но вещь как свой собственный символ имеет крайне ограниченный спектр знакового применения. В большей степени обозначение вещи связывается с жестом, имитирующим деятельность с вещью. Изначально человеческий язык был скорее языком жестов, поскольку жест может обозначать форму деятельности с предметом при отсутствии самого предмета. Постепенно жест, более-менее полно копирующий действие с вещью, «сворачивается» и некоторым образом «формализуется» и упрощается. Но жест все же гораздо менее «гибок», чем звуковое или письменное слово, которое уже не копирует вещь, а связывается с ней конвенционально. К тому же жест выступает как «целое слово», не делящееся на элементы (буквы). Поэтому происходит дальнейшее развитие языка, связанное с возникновением составных (из элементов в виде букв) слов. Таким образом, использование орудий труда в общественной практике, развитие орудийной деятельности требует появления и развития средств коммуникации производителей:

Орудие по своей природе является носителем не только всеобщего содержания действительности, но и носителем общественных значений. И только потому постепенно орудие трансформируется в жест, а затем в слово [Мареев 2011, с. 411].

Эти закономерности, с некоторыми оговорками, можно выявить и в воспитании слепоглухих детей, к чему Ильенков имел самое прямое отношение (особенно своим участием в «Загорском эксперименте»). Слепоглухие дети начинают свое обучение с использования подручных средств и предметов (одежда, обувь, ложка, тарелка, полотенце, стул и т. п.) в плане самообслуживания

при посредничестве воспитателя. Взаимодействуя с культурными артефактами теми способами деятельности, которые ребенку не врождены и которым следует учиться, он (ребенок) формирует и развивает свое мышление, которое на определенной ступени развития требует, с одной стороны, более абстрактной и обобщенной, а с другой, более автономной формы взаимоотношений, каковой и является язык. Говоря упрощенно, в целом развитие языка у слепоглухого ребенка идет по следующей схеме: деятельность с предметом; жест, формально обозначающий подобную деятельность; тактильные слова (пальцевый алфавит), конвенционально связанные с предметами; устный и письменный словесный язык.

У зрячеслышащих детей процесс усвоения языка, с соответствующими модификациями, идет по той же схеме: от дела к слову. Но в силу большей и более разнообразной коммуникации язык, укоренившись в сознании ребенка, начинает «обгонять» мышление в развитии. На определенном уровне развития ребенок уже знает больше слов и их связей, чем понимает их значение и смысл, что и порождает представление о врожденности языковых структур. Критически оценивая концепцию «порождающей грамматики» Н. Хомского, как и ряда идей о развитии ребенка Ж. Пиаже, Ильенков писал:

«Глубинные структуры», выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. ...в образе *сенсомоторных схем*, то есть схем непосредственной деятельности становящегося человека *с вещами и в вещах* в виде сугубо телесного феномена... Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или «глубинные структуры», как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титулует логическими формами, или формами «мышления как такового»⁴.

Сенсомоторная схема – это принцип деятельности человека с внешней вещью согласно ее форме и содержанию (способу применения вещи). Эта схема есть отражение логики функционирования с вещью, которую в нее (вещь) вложил другой человек (который ее сделал). Предметная деятельность с культурными артефактами формирует мышление, которое на определенном уровне развития требует с необходимостью появления языка. Язык же, также развиваясь, оказывает обратное влияние на мышление и

⁴ Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка. С. 272.

деятельность человека. При этом происходит не только развитие языковых форм, но и их определенная автономизация, независимость от мира вещей.

Противоречия лингвистики

Как писал Мареев:

Язык в общем и целом имеет два плана. Это, во-первых, план его соотнесенности с некоторой внеязыковой реальностью, вещами, которые мы видим, осязаем и т. д., и, во-вторых, план его соотнесенности с самим собой... В науке о языке эти два плана языка называются соответственно семантикой и синтаксисом [Мареев 2011, с. 388].

Язык обладает различными функциями, но в качестве базовых чаще всего упоминают коммуникативную и когнитивную. Они, безусловно, тесно связаны друг с другом, но каждая из них имеет свои акценты: когнитивная больше ориентирована на семантику, тогда как коммуникативная – на синтаксис, «игру языка». В поле синтаксиса язык зачастую и предстает как автономная знаковая система, имеющая свои законы. Ведь существуют слова, которые не обозначают напрямую какие-либо предметы, но увязывают другие слова в осмысленное предложение.

Лингвистика исследует язык как относительно независимый регион человеческого социо-культурно-исторического бытия. По мнению Л.К. Науменко, дососсюрская лингвистика редуцировала язык только к какому-либо внеязыковому «субстрату»: физиология, психика, социум, мышление и т. п. Каждый из указанных моментов, конечно, так или иначе связан с языком, но все они, по отдельности и в совокупности, не ведут к его появлению. В противоположность редуccionизму, структурная лингвистика, предложенная Ф. де Соссюром, требует исследовать язык как таковой, в его отрыве от любого внешнего «субстрата». Здесь язык понимается как определенная структура, форма, замкнутая на саму себя. Науменко отмечал эту гиперавтономию в понимании языка:

Структура есть система отношений. Каждый ее элемент есть лишь пучок отношений, лишенный самостоятельного содержания и смысла. <...> Он – знак. <...> Знаки лишь обозначают друг друга, и вся их совокупность есть описание теоретической системой самой себя [Науменко 2013, с. 248].

Подобный отрыв языка от содержания, или превращение чистой формы языка в содержание лингвистики, приводит к тому, что она (лингвистика) отрывается от реальности и ее законы, по сути, задает сам лингвист.

Науменко попытался пройти между крайностями редукционизма и тотальной автономии. Он не сводил язык полностью к какому-либо внешнему для него «субстрату», но и не считал его совершенно замкнутой в себе областью. С его точки зрения язык, несмотря на относительную автономность, базируется на «субстанции», имеющей внеязыковое бытие. В данном случае «субстрат» следует отличать от «субстанции»: если первый предстает как внешний и пассивный момент отношения с языком, то вторая активна и требует для себя средств выражения, что и находит в языке. Как писал Науменко:

Подлинной субстанцией всего этого является *общественный процесс*, деятельность опредмечения. Звуковая материя чужда мысли, случайна по отношению к мысли. Но сама эта случайность необходима: мысль необходимо в противоположность самой себе воплощается в чуждом ее природе материале – в звуке. На необходимом стыке этих совершенно разнородных и случайных по отношению друг к другу стихий и рождается язык как средство общения и средство выражения мыслей. Язык есть материализованная мысль, мысль, ставшая звуковой материей [Науменко 2013, с. 258].

Таким образом, язык имеет как «природную», материальную составляющую – звук, так и социальную, идеальную – мышление (наделение звукового знака значением). И обе они совершенно не связаны друг с другом «от природы». Только общественная практика связывает как тело человека с мыслью в трудовом процессе, так и «тело» звука с мыслью в языке, необходимом для расширения и углубления трудового (и не только) процесса. Точнее говоря, общественная производственная деятельность порождает мышление, а затем мышление выражается в виде речи. Но, разумеется, получая и расширяя свою автономию, язык выходит за рамки чисто трудового процесса, проникая в сферу науки, искусства, бытовой коммуникации и т. п.

Система звуков, как и любая структура, имеет свои законы существования и взаимодействия. Но только звуки как таковые, даже как система звуков, не должны непосредственно интересовать лингвистику, если она не хочет оставаться внутри герметичной, замкнутой на себя области исследования. «Звуковая материя» обретает релевантную для человека форму только соединяясь с содержанием, данным общественной практикой:

Язык есть не просто некая определенная предметность, внутренним образом систематизированная и упорядоченная, некая предметная структура, система. Язык есть материальное, звуковое инобытие мыслящего и общающегося коллектива [Науменко 2013, с. 259].

«Звуковая материя», как относительно самостоятельная структура, входит составным моментом в более широкую, конкретную систему человеческого практического взаимодействия, преобразующего природу во всем ее бесконечном многообразии. Исторически развивающаяся социокультурная сфера бытия вбирает в себя и диалектически «снимает» «звуковую материю», тем самым перестраивая ее под себя:

Язык и есть материя, которой задана определенная форма движения. <...> Система отношений *внутри* языка есть *превращенная форма* системы отношений *между* познающим коллективом и данной ему обстоятельствами звуковой материей [Науменко 2013, с. 261].

Выводы

Язык в ильенковской традиции предстает как довольно сложное явление. Он совмещает моменты, которые на первый взгляд совершенно противоположны друг другу: материальное и идеальное, всеобщее и единичное, структура и функция и т. п. Для большей наглядности Ильенков сравнивал положение языка в культуре с местом денег в экономической сфере⁵: слово, подобно денежной банкноте, имеет как материальное, так и идеальное бытие, поскольку в обоих случаях «тело» несет в себе никак не связанный с ним смысл, но всегда указывает на другое тело или явление. Слово, как и денежная купюра, несмотря на свою наличную единичность, предстает как всеобщее: термин обозначает целую группу определенных единичных предметов или явлений; денежная купюра или монета может быть обменена на любой товар соответствующего номинала. А главное, и в том, и в другом случае мы видим, как определенная структура (язык или деньги), порожденная более глобальной системой как ее часть, затем начинает ей (этой системе) противостоять, и в диалектическом цикле развития некритически воспринимается как начало движения. И если подойти к вопросу

⁵ Ильенков Э.В. Мышление и язык у Гегеля // Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Собр. соч. Т. 4 / Э.В. Ильенков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 131.

не диалектически, то можно констатировать, что «деньги правят миром», или «в начале было слово». Диалектический же материалист на это ответит – «в начале было дело», общественная практика, которая породила как слово, так и звонкую монету. Все это лишь формы проявления человеческой активности, направленной на преобразование природы.

Источники

Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 77–106.

Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 270–274

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.

Ильенков Э.В. Мышление и язык у Гегеля // Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Собр. соч. Т. 4 / Э.В. Ильенков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 123–132.

Литература

Мареев 2011 – *Мареев С.Н.* Ильенковское понятие идеального и проблема соотношения мышления и речи у Л.С. Выготского // Мыслить... (избранные статьи последних лет). М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 381–420.

Науменко 2013 – *Науменко Л.К.* Монизм как принцип диалектической логики: Монография. М.: Изд-во СГУ, 2013. 358 с.

References

Mareev, S.N. (2011), "Ilyenkov's concept of the ideal and the issue of the correlation of thinking and speech in L.S. Vygotsky", *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Thinking... (selected articles of recent years)], SGU, Moscow, Russia, pp. 381–420.

Naumenko, L.K. (2013), *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki: Monografiya* [Monism as a principle of dialectical logic. Monograph], SGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгений М. Дмитриевский, кандидат философских наук, независимый исследователь; evg.dm@mail.ru

Information about the author

Evgeniy M. Dmitrievskiy, Cand. of Sci. (Philosophy), independent scientist, evg.dm@mail.ru